

DOI 10.17150/978-5-7253-3040-3.51

А.М. КУРЫШОВ

УДК 94(571.5)

ББК 63.3(253.5)

ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ ПРОТИВ СТАРОЖИЛОВ: НОВЫЙ ВЫПУСК «СИБИРСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНИЙ»*

В статье рецензируется четвертый выпуск сборника документов «Сибирские переселения», посвященный конфликтам между сибирскими крестьянами-старожилками и новоселами, переселившимися в Сибирь в ходе «Великого сибирского переселения» (вторая половина XIX — начало XX вв.).

Ключевые слова: «Великое сибирское переселение», сибирские старожилы, переселенцы, колонизация Сибири, история Сибири, земельные споры.

А.М. KURYSHOV

NEW SETTLERS VS OLD DWELLERS: NEW ISSUE OF “SIBERIAN RESETTLEMENTS”

The article reviews the fourth issue of the collection of documents “Siberian Resettlements”, dedicated to conflicts between Siberian old dwellers and new settlers who moved to Siberia during the “Great Siberian Migration” (second half of the 19th — early 20th centuries).

Keywords: “The Great Siberian Migration”, Siberian old dwellers, new settlers, colonization of Siberia, history of Siberia, land disputes.

Обращение сибирских историков к теме переселений конца XIX — начала XX вв. и в советский период, и на современном этапе отличается постоянством. Изменяются оценки, по-разному расставляются акценты, характеризующие процессы переселения, но сам интерес к ним неизбытен. Объясняется это не только (и не столько) объективными факторами, связанными с наличием значительного количества документов, относящихся к этому периоду, что позволяет историкам качественно делать свою работу. Важно и другое — переселения рубежа XIX–XX столетий — особая страница сибирской истории. Она без преувеличения является связующим звеном между историей Сибири и историей всей России. Именно эти переселения превратили Сибирь, до этого — по сути дела колонию Российского государства, в его неотъемлемую часть. Именно они сделали сибирские процессы развития контекстом исторического движения России как цивилизации.

* Рец. на: Сибирские переселения : документы и материалы. Выпуск 4 : Конфликты старожилов и переселенцев. 1980–1910-е годы / авт.-сост.: А. К. Кириллов, М. В. Шиловский, П. А. Афанасьев, Д. Ю. Хоменко; отв. ред. М. В. Шиловский. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2020. — 664 с., ил. (карты)

Ремесло историка сродни труду золотоискателя: в массиве «пустой породы» разного рода информации он должен увидеть те редкие «зерна», которые позволят ему подтвердить или опровергнуть его не до конца оформившиеся представления, утолить жажду его научных интересов и сформулировать выводы, которые могут оказаться полезными для общества и облегчат труд коллег. Для этого, как правило, требуется «перелопатить» множество письменных источников, разбросанных по разным хранилищам, доступ к которым может оказаться затруднен. Но и обнаруженные источники еще нужно уметь подвергнуть анализу, даже не содержательному, а «фенотипическому» — разобрать трудночитаемый почерк, датировать, определить авторство и назначение документа. Все это, помимо известных навыков, требует огромных временных затрат и недюжинного терпения. Поэтому обнаружение ранее неопубликованных или малоизвестных источников — это труд, значение которого для исследователей невозможно переоценить.

Все сказанное дает основания считать усилия историков Сибирского отделения Российской Академии наук, предпринятые ими для публикации архивных документов, характеризующих сибирское переселенческое движение 1880-х — 1910-х гг. и вылившиеся в издание уже четырех сборников, не только оправданными, но и необходимыми.

Рецензируемый — четвертый — сборник «Сибирских переселений» посвящен теме конфликтов между сибирскими крестьянами-старожилами и переселенцами. Тема эта так или иначе затрагивается многими исследователями — специалистами по социально-экономической истории Сибири конца XIX — начала XX вв., даже если сфера их научных интересов не включает непосредственно переселения, поскольку упомянутые конфликты являлись важной стороной социальных отношений в сибирской деревне и характеризовали противоречия переселенческой политики российского правительства.

Собственно, уже в предыдущих сборниках «Сибирских переселений» содержался ряд документов, дающих представление об отношениях переселенцев и старожилов. Первый сборник¹ состоял из материалов, освещающих, по выражению авторов-составителей, «технологическую цепочку» переселения — правовую регламентацию (первый раздел) и особенности организации (второй раздел). Третий же раздел сборника (документы №№ 46-61) характеризовал процесс переселения «изнутри» — через оценку его представителями различных групп населения. Второй сборник² включал в себя до-

1 Сибирские переселения: документы и материалы. Выпуск 1 / отв. ред. М. В. Шиловский. — Новосибирск : Новосибирский государственный университет, 2003. — 198 с.

2 Сибирские переселения. Выпуск 2: Комитет Сибирской железной дороги как организатор переселений: сборник документов / отв. ред. М. В. Шиловский. — Новосибирск : Издательский дом «Сова», 2006. — 263 с.

кументы, описывающие деятельность Комитета Сибирской железной дороги (главным образом — нормативно-правовые и справочные), но и среди них есть материалы, иллюстрировавшие отношения между переселенцами и старожильческим населением. Больше таких документов в третьем сборнике¹, посвященном миграционным и хозяйственным процессам, протекавшим в Сибири в XVII — начале XX вв. (в седьмой и восьмой его частях). Последние тем более интересны, что затрагивают отношения между переселенцами и коренными сибирскими народами. Правда, третий сборник имеет достаточно узкую географическую привязку — он посвящен освоению только Верхнего Прииртышья.

Четвертый сборник, с одной стороны — тоже узко специализирован (не только тематически, но также и географически (освещаются восемь наиболее полно документированных конфликтов между старожилами и переселенцами, имевшими место на Алтае и на юге Енисейской губернии)), с другой — выгодно отличается от своих предшественников структурно. Эти отличия можно свести к трем основным моментам: во-первых, по каждому из освещаемых конфликтов собран весь набор имеющихся в распоряжении исследователей документов (жалобы старожилов и переселенцев, справки о количестве земли и жителей, переписка чиновников, общественные приговоры и т.п.; собраны документы, отложившиеся в пяти российских архивах — Государственном архиве Красноярского края, Государственном архиве Алтайского края, Государственном архиве Томской области, архиве города Минусинска и Российском государственном историческом архиве), по сути они составляют целые «дела», характеризующие механизмы зарождения, развития и разрешения конфликтов во всей их полноте; во-вторых, все «дела» дополнены подробными исследованиями, имеющими самостоятельное научное значение; в-третьих, авторы-составители постарались максимально корректно обойтись с документами, каждый из них сопровождается исчерпывающей археографической легендой. Что касается «географической ограниченности», то она не умаляет значения проделанной авторами-составителями сборника работы ни в коей степени, поскольку именно территория Юго-Западной Сибири «поглотила» большую долю переселенцев второй половины XIX — начала XX столетий, а значит, процессы, здесь происходившие, вполне возможно рассматривать как характерные, показательные. Кроме того, каждый из восьми описанных случаев имеет, по выражению одного из авторов-составителей сборника, А.К. Кириллова, свою «изюминку».

1 Сибирские переселения. Выпуск 3: Освоение Верхнего Прииртышья во второй половине XVII — начале XX вв.: сборник документов / отв. ред. М.В. Шиловский. — Новосибирск: Параллель, 2010. — 276 с.

Сборник документов предваряется обстоятельным «Введением» (с. 4–18), являющимся, по сути, самостоятельной статьей. В нем ответственный редактор и ответственный секретарь сборника (М.В. Шитловский и А.К. Кириллов) не только определяют замысел сборника и кратко описывают представленные материалы, но и очерчивают круг проблем, связанных с темой конфликтов переселенцев и старожилов в контексте тенденций социального развития Российской империи рубежа XIX–XX вв. Среди них: проблема интерпретации указанных конфликтов историками (как проявления классовой борьбы между беднейшими и зажиточными слоями как переселенческого, так и старожильского населения; как одной из сторон противоречий между различными ментальными «моделями территориального поведения» или хозяйственными укладами; как ипостаси «переселенческо-старожильского фронта» — теории, которой придерживаются сами авторы «Введения») (с. 6–7); проблема места сибирских переселений в истории России (авторы констатируют, что, несмотря на относительную масштабность, они так и не стали условием существенного изменения социальной обстановки в Европейской России, и они несопоставимы с теми миграциями, в ходе которых в это же время огромные массы людей перемещались из Европы в Америку, но механизмы их схожи (с. 12)); проблема факторов переселения в «достопыпинский» период, когда поддержка переселенцев со стороны властей имела ограниченный (в сравнении со «столыпинской» реформой) характер (авторам близка теория «цепной миграции», обусловленной не тем, что «притягивает» переселенцев на новые территории или «выталкивает» с обжитых мест, а личностными связями первых и последующих мигрантов (с. 13)). Обращают авторы внимание читателей и на то, что при ближайшем рассмотрении обнаруживается множество нюансов, связанных с неоднородностью движущих сил, сторон конфликта — новоселов, старожилов и лавирующих между ними властей, обуславливающих их поведение в конкретных ситуациях. Если учитывать этот фактор, процессы сибирского переселения предстают в новых красках. В частности, наличие среди «старожилов» по закону (т.е. причисленных к сельским обществам) фактических новоселов, обосновавшихся на новом месте в 1860-е — 1870-е гг. (или, если угодно, наличие среди «переселенцев» фактических старожилов (по отношению к прибывающим в годы 1880-е)) как раз и становится важнейшим условием возникновения конфликтов.

Итак, во «Введении» определяются три главных тезиса, последовательно и логично раскрывающиеся на последующих более чем шестистах страницах сборника: 1) «Великое сибирское переселение» может рассматриваться как часть охвативших мир во второй половине XIX — начале XX вв. процессов, описываемых в рамках «теории фронта»; оно, безусловно, имеет свои важные особенности, но в

целом может быть понято через применение к нему основополагающей характеристики упомянутой теории — колонизацию как способ развития; 2) сибирские переселения второй половины XIX — начала XX вв. демонстрируют характер «цепной миграции», когда ранее поселившиеся на новой территории новоселы, благосклонно принятые старожилками, постепенно «перетягивают» к себе своих бывших земляков, что со временем приводит к превышению в данной конкретной местности «критической массы» новопоселенцев, и именно такая «цепная миграция» запускает скрытый механизм конфликтов между старожилками и новоселами; 3) конфликт, вытекающий из «цепной миграции» и обусловленный наличием в среде старожилов недавно переселившихся крестьян, которые принимаются сельским обществом (к обоюдной выгоде), происходит по причине объективной нехватки земельных ресурсов, наступающей после превышения «критической массы» переселенцев в условиях экстенсивного хозяйства, таким образом конфликт является закономерным результатом сложившегося ранее взаимовыгодного сотрудничества.

Первый раздел сборника (с. 19-150) составляют документы о конфликте в селе Ново-Тырышкино (Бийский округ (часть Алтайского горного округа) Томской губернии, ныне — село Новотырышкино Смоленского района Алтайского края), первому из рассмотренных в сборнике по времени возникновения. Исследование, открывающее раздел, выполнено А.К. Кирилловым (как и исследования, предваряющие последующие пять разделов). Алексей Константинович проводит целое расследование развития конфликта, начиная с 1882 г., подробно и в хронологической последовательности излагая его суть, анализируя почти каждый представленный документ и последовательно обращая внимание на фактор неоднородности движущих сил конфликта. Автором подробно рассматривается состав сторон противостояния и мотивы, ими двигающие. Подчеркивается устойчивая позиция губернских властей, с одной стороны не желающих принуждать старожилов к причислению новопоселенцев, а с другой — сдерживающих инициативу старожилов по отселению последних. Обращается внимание на то, что на различных «этажах» властной вертикали отношение к взаимным претензиям сторон было различным и склонным к трансформации. Исследование А.К. Кириллова опирается на анализ 46 документов. Основным его выводом стало выявление связи между конфликтом, возникшим по вопросу причисления новоприбывших крестьян к сельскому обществу (что давало им право пользования земельными ресурсами общины), и наличием между старожилками и переселенцами «мостика» в лице ранее приехавших переселенцев, с которыми старожилы первоначально успешно сотрудничали. Также следует признать значимым тезис автора (опирающийся на анализ данных начала XX столетия по новотырышкинскому сельскому обще-

ству) о том, что крестьяне, оказавшись в стесненных из-за нехватки земли условиях, по-видимому были вынуждены интенсифицировать свое хозяйство, какая-то их часть стала заниматься промыслами и торговлей, приспосабливаясь к новой жизни (с. 63).

Второй раздел сборника (с. 151-214) содержит материалы, иллюстрирующие конфликт в станице Антоньевской (Бийский округ (часть Алтайского горного округа) Томской губернии, ныне — село Антоньевка Петропавловского района Алтайского края). Антоньевский конфликт — особый: он «самый крупный по территориальному охвату» (с. 153) и случился он на казачьих землях. Особыми были и условия, в которых зародилось противостояние старожилов и переселенцев. Во-первых, к моменту начала переселения (1870-е гг.) станица Антоньевская серьезно обезлюдела — часть казаков была переселена южнее в силу упразднения Кольвано-Кузнецкой укрепленной линии. Во-вторых, переселение сюда крестьян активно поддерживалось генерал-губернатором Западной Сибири в целях русификации, «окультуривания» района (с. 155-156). В-третьих, конфликт случился не столько из-за земли (в ней, видимо, недостатка не было), сколько из-за денег: крестьяне не желали платить сборы, положенные для жителей казачьих земель (поскольку не были причислены к казачьему сословию), а казаки требовали этого. Однако скрытый механизм, запустивший конфликт, был тем же, что и в селе Ново-Тырышкине: закрепившиеся ранее на казачьих землях крестьяне стали «перетягивать» к себе земляков; казаки первоначально сами разрешили крестьянам жить на своих землях, получая с крестьян деньги.

Третий раздел (с. 215-258) освещает конфликт, имевший место в деревне Харлова (Бийский округ (часть Алтайского горного округа) Томской губернии, ныне — село Харлово Краснощекинского района Алтайского края). Особенностью этого конфликта было то, что он был прямо связан с резким превышением «критической массы» переселенцев — «разведчик», укоренившись в деревне и получив согласие сельского общества на причисление двух земляков, «привел семь десятков человек» (с. 223). На примере случая в Харлова А.К. Кириллов подробно разбирает механизм «цепочки переселений», и именно его выпуклость, показательность, характеризующая, помимо прочего, и подготовленность переселенцев (в итоге — одержавших победу) к сопротивлению старожилов, по мнению автора «составляет ценную особенность Харловского случая» (с. 230).

Четвертый раздел (с. 259-326) содержит документы по старожильческо-переселенческому конфликту в деревне Огневой (Бийский округ (часть Алтайского горного округа) Томской губернии, ныне — село Огни Усть-Калманского района Алтайского края). Его особенностью была религиозная подоплека — старожилы были староверами, а переселенцы — никонианами, и поводом к конфликту стало желание

переселенцев поставить в деревне церковь. Также «изюминкой» этой ссоры можно считать нетипичный (в сравнении с вышеописанными случаями) мотив первоначального сотрудничества — обустройство первых переселенцев было осуществлено при поддержке властей (при этом старожилы, конечно, получили свою выгоду — втридорога продали переселенцам избы). Однако камнем преткновения, конечно, была земля, но не пахотная, а та, что была отведена под сенокосы, которые к тому же искусственно орошались. Религиозные мотивы конфликта не получили развития и не были учтены губернскими властями, снова занявшими в этом споре по сути нейтральную позицию (с. 280).

Пятый раздел сборника (с. 327-362) состоит из исследования А.К. Кириллова и документов, освещающих ссору между старожилами и переселенцами Ново-Шульбинского поселения (Змеиногорский уезд Томской губернии, ныне — село Новая Шульба Бородулихинского района Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан). Новошульбинский спор начался в 1909 г. и, таким образом, относится к числу конфликтов, обязанных своим возникновением «столыпинским» преобразованиям. Суть конфликта состояла в нежелании старожилов пускать на свои земли переселенцев — они опасались, что со временем их прибавит еще больше, и земли будет не хватать на всех. Для того, чтобы «отвадить» новоселов, для них были введены заповедные денежные сборы (взимаемые не за пашню собственно, а за усадьбу и скот), которые не могли быть покрыты переселенческой ссудой (с. 338). Алексей Константинович, опираясь на источники, подробно рассматривает механизм развития конфликта: 1) закрепление «новых» переселенцев (несмотря на противодействие сельского общества), арендовавших землю у «старых» переселенцев; 2) запрет сельского общества на строительство жилья на арендованных землях, что вынуждает новоселов покупать или арендовать усадьбы в селе; 3) обложение усадеб и скота новоселов высоким денежным сбором; 4) подача сельским обществом исков в волостной суд новоселов, отказавшихся платить сбор; 5) отказ примерно трети новоселов от поселения в Ново-Шульбинском. Новошульбинский случай отличает стремление и той, и другой стороны решить спор юридически: «По части готовности бороться за свои интересы в правовом поле крестьянское сообщество ничем не уступало более образованным слоям русского общества начала XX в.» (с. 340).

Шестой раздел (с. 363-448), включающий 55 документов, иллюстрирует историю конфликта, закончившегося убийством двух человек — старожила и новосела деревни Сартаковой (Барнаульский уезд (часть Алтайского горного округа) Томской губернии, ныне — село Сартаково Коченевского района Новосибирской области). Строго говоря, данный конфликт сложно трактовать, как старожильческо-пере-

селенческий: как указывает сам автор, деревня Сартакова появилась вряд ли ранее 1899–1900 гг., и ее основателями были также переселенцы. На момент начала конфликта (1911 г.) жители Сартаковой были «старожилами» по закону, но не по сути. Появившиеся здесь «новые» переселенцы изначально не имели шансов быть причисленными к обществу. Следовательно, не может идти речь о стадии «сотрудничества», перерастающего впоследствии в противостояние. Конфликт отличается бросающейся в глаза численной диспропорцией сторон (пять семей переселенцев против всего сельского общества) и отсутствием со стороны властей всех уровней поддержки «новых» переселенцев (возможно, это было связано и с тем, что «старожила» тоже были переселенцами). Этот спор, приведший к убийствам, судя по документам, связан с поземельными отношениями не прямо, на что указывает косвенно и сам А.К. Кириллов, характеризуя его исход как «исключение из правил, обусловленное личными особенностями переселенцев» (с. 383), и это — закономерный вывод из подробнейшего анализа истории, сделанного Алексеем Константиновичем в исследовании, открывающем раздел. Вместе с тем другой вывод, сделанный автором, в целом не вызывают серьезных возражений. Речь идет о том, что конфликта можно было бы избежать, если бы переселенцы получили хоть какую-то поддержку со стороны властей, если бы власти действовали не «по шаблону, сложившемуся с 1880-х гг.» (с. 382), а по обстановке.

Седьмой раздел (с. 449-572) освещает спор между старожилами и поселенцами сел Мормыши (Барнаульский уезд (часть Алтайского горного округа) Томской губернии, ныне — село Мормыши Романовского района Алтайского края) и Павловское (Барнаульский уезд (часть Алтайского горного округа) Томской губернии, ныне — село Павловск, центр Павловского района Алтайского края). Раздел подготовленный П.А. Афанасьевым, содержит наибольшее количество документов — 66, none все они напрямую связаны с указанными конфликтами. Собственно, конфликты в Мормышах и Павловском (а также в других населенных пунктах, упомянутых в исследовании П.А. Афанасьева, — Усть-Мосихе, Шарчино, Рогозихе, Ключковском, Средне-Краюшкинском (все это — села и деревни Барнаульского уезда)) не вышли за пределы отказа старожилов, в ряде случаев по численности уже уступавших переселенцам, причислять последних к сельскому обществу, по причине нехватки земельных ресурсов. В Мормышах крестьяне-старожила сами отказались от претензий к переселенцам, поскольку после проведения землеустройства претендовали на прирезку к их землям еще одного участка, но это было невозможно без причисления к обществу дополнительных членов (с. 456). В Павловске и других упомянутых здесь населенных пунктах протесты старожилов в отношении новоселов прекратились после ареста

«зачинщиков» (ими выступали «влиятельные» крестьяне-старожилы) (с. 463-464). Иными словами, конфликты между старожилами и переселенцами в густонаселенном Барнаульском уезде Томской губернии были потушены на ранней стадии, главным образом — по причине занятия властями открыто «пропереселенческих» позиций. Интереснее другое, на что обращает внимание П.А. Афанасьев: социальное напряжение в селениях уезда, связанное с нехваткой земли, изначально стало следствием политики Кабинета его императорского величества (Барнаульский уезд был частью «кабинетских земель» — Алтайского горного округа, наряду с еще несколькими уездами Томской губернии — Бийским, Кузнецким и Томским). Кабинет старался ограничивать отведение земель под переселенческие участки, предпочитая их сдавать в аренду и получать доход. Попытки губернских властей и Переселенческого управления преодолеть сопротивление Кабинета разбились о непримиримую позицию императора. Понятно, что последовавшее за этим обострение противоречий между старожилами и новоселами стало следствием неудачных попыток старожильческого населения «урезонить» Кабинет, но следует ли считать указанное обострение стадией ранее начавшегося конфликта, или принципиально иным? Павел Алексеевич выбирает второй вариант, предлагая собственную классификацию конфликтов, возникших на почве земельных противоречий. Он определяет три их типа, при этом несколько выходя за рамки обозначенного в подзаголовке сборника противостояния исключительно между «старожилами» и «переселенцами». Критерием выделения этих типов являются не движущие силы конфликта, а, по сути, степень землеустроительных мероприятий, которой он (конфликт) соответствовал: 1) конфликты между Кабинетом и Переселенческим управлением на этапе отведения земель под переселенческие участки; 2) конфликты между крестьянами и Кабинетом на этапе проведения землеустроительных работ; 3) конфликты между старожилами и новоселами после проведения землеустройства (с. 465-466). Выводы П.А. Афанасьева интересны тем, что они несколько расширяют наши представления о предпосылках старожильческо-переселенческих конфликтов, сложившиеся по ходу рассмотрения шести предыдущих случаев: пять из них (т.е. все, кроме Новошуйбинского) произошли на землях Кабинета его императорского величества, следовательно, «кабинетский след» вполне мог быть и там.

Восьмой раздел (с. 573-642) — единственный, содержащий документы по спорам, возникшим не в Томской губернии. Он посвящен освещению конфликта между старожилами и переселенцами в деревне Гнадендорф (Минусинский уезд Енисейской губернии, ныне — деревня Николаевка Краснотуранского района Красноярского края). Раздел подготовлен Д.Ю. Хоменко. Конфликт в Гнадендорфе — особенный,

поскольку он проходил на фоне этнических разногласий, хотя и из-за земли. Основными сторонами конфликта выступали немцы-колонисты и русские переселенцы, а «яблоком раздора» выступил запасной участок Сайбарский в Минусинской котловине. Это — еще одна особенность данного спора: он возник из-за земель, которые на момент начала конфликта не принадлежала ни немецким переселенцам, ни русским новоселам. Основным препятствием для обеих сторон была позиция губернского управления, по каким-то причинам «придерживавшего» Сайбарский участок. В 1907 г. вопрос все же был решен в пользу немцев (решающую роль сыграло мнение Иркутского генерал-губернатора), но к этому времени на спорном участке уже были две самовольно возведенные деревни — немецкая (Гнадендорф) и русская (Карасук).

Решение 1907 г. делало пребывание русских поселенцев незаконным, но и насильно отселять их власти не стали (по-видимому, из-за недостатка сил (с. 579)). Поскольку на всех теперь земли в участке не хватало, было принято решение прирезать ее от соседних старожильческих угодий. Таким образом, обозначилась третья сторона конфликта — старожили, которые по сути были втянуты в него искусственно, и которые, в конце концов, и оказались проигравшей стороной. Также особенностями конфликта Денис Юрьевич считает юридическую грамотность немецких колонистов, позволившую им в итоге добиться желаемого, и стремление властей в спорных ситуациях между переселенцами решать проблему за счет старожилов (с. 284).

В целом четвертый выпуск «Сибирских переселений» — больше, чем сборник документов. Это — полноценное исследование, в котором документы, являясь источниковой базой статей, открывающих разделы, выступают одновременно и подтверждением сделанных авторами-составителями выводов, и основой, на которой другие историки могут строить свои предположения. Такой жанр научного исследования импонирует автору этих строк. Составители выполнили свою работу предельно качественно, добротнo. Наличие карт, прилагаемых к каждой вступительной статье, и археографических легенд, сопровождающих каждый документ, лишь усиливает общее благоприятное впечатление от издания.

Представление исследователями своей источниковой базы под одной обложкой с самими исследованиями, помимо прочего, позволяет читателю оценить качество сделанных выводов. И они, в целом, представляются весьма интересными и оригинальными. Довольно стройная концепция механизма возникновения конфликтов между старожилами и переселенцами, выстроенная А.К. Кирилловым, действительно получает подтверждение в документах. Важнейшим достижением авторов следует признать подробное рассмотрение состава участников споров, учет при формулировании выводов неоднородности социальных групп, предстающих сторонами конфликта.

Это касается, в том числе, «властей», позиции которых в зависимости от уровня и ситуации могли быть диаметрально противоположными («переселенческие чиновники заботились о переселенцах, крестьянские начальники — о старожилах» (с. 581)). Авторы стараются рассматривать предпосылки и причины конфликтов с различных точек зрения (старожилов, переселенцев, властей), придерживаясь одного из основополагающих принципов исторической науки, на практике не так уж часто соблюдающегося, — принципа объективности.

Вместе с тем, применение упомянутой концепции механизма возникновения земельных споров для анализа случаев, имевших место в «столыпинский» период, требует уточнений. Как мы видели, стадия «сотрудничества», которая, согласно упомянутой концепции, должна впоследствии привести к конфликту, в ряде конфликтов отсутствует или просматривается недостаточно четко.

За частными вопросами, подробнейшим образом рассмотренными авторами-составителями, скрылся один из важнейших процессов, порождением которого и были земельные конфликты — трансформация сибирской общины. Ее кризис был связан с нехваткой свободных земель, в силу чего прежняя, «захватная» община не могла развиваться, а проявлялся он в стремлении общинников к уравнительному переделу и юридическому закреплению земель за общиной (что, в общем-то, и предполагалось землеустроительными работами). Переселенцы же, приезжающие из Европейской России, где «захватной» общины не было уже давно, надеялись здесь, в Сибири, ее встретить. Отсюда и самовольные захваты земли, основанные на уже устаревшем для Сибири рубежа XIX-XX вв. представлении о том, что земля тому принадлежит, кто ее использует.

Авторы-составители четвертого выпуска «Сибирских переселенцев» сумели уловить (и подтвердить это множеством уникальных документов) главное: время работало на переселенцев, государственные структуры в целом поддерживали новоселов, процессы колонизации Сибири были необратимы и они, в числе прочего, ставили сибиряков в условия, к которым они были вынуждены приспособиться, изменяя свой хозяйственный уклад.

Информация об авторе

Курьшов Андрей Михайлович — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и таможенного дела, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: history@bgu.ru.

Author

Andrey M. Kuryshov — Ph.D. in History, Associate Professor, of the Department of International Relations and Custom, Baikal State University, 11 Lenin St., Irkutsk, 664003, e-mail: history@bgu.ru.